

18+

Томас Тейлор

**ЭЛЕВСИНСКИЕ
И ВАКХИЧЕСКИЕ
МИСТЕРИИ**

Томас Тейлор Элевсинские и вакхические мистерии

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71361940
ISBN 9785006497023*

Аннотация

В древних ритуалах сочетались элементы искусства, философии и психологии, что позволяло каждому искателю найти свой путь к пробуждению. Перевод Томаса Тейлора не только раскрывает специфические аспекты этих таинств, но и связывает их с более широкими культурными и религиозными контекстами, напоминая нам о том, что такие практики были частью более обширной системы мировоззрения.

Содержание

Басня – мир любви, стихотворение Шиллера	5
Введение к третьему изданию	6
Приложение к авторскому изданию	20
I. Элевсинские мистерии	22
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Элевсинские и вакхические мистерии Томас Тейлор

Валерий Алексеевич Антонов *Переводчик*

© Томас Тейлор, 2024

© Валерий Алексеевич Антонов, перевод, 2024

ISBN 978-5-0064-9702-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Басня – мир любви, стихотворение Шиллера

«Это не просто

Гордость человеческого существа, что наполняет пространство

Жизнью и мистическим преобладанием;

Поскольку также для страдающего сердца Любви

Эта видимая природа и этот общий мир

Слишком узки; да, более глубокий смысл

Скрывается в легенде, рассказанной в мои детские годы,
Что лежит на той истине, коей мы живем, чтобы постичь;
Ибо сказка – это мир Любви, его дом, его родина; С радостью
он обитает среди фей и талисманов, И духов, и с радостью
верит

В божества, будучи самым божественным. Понятные образы древних поэтов, Прекрасные гуманитарные традиции Старой Религии, Сила, Красота и Величие, Что имели свои обиталища в долинах или сосновых горах, Или лесах у медленного потока, или гальке источника, Или пропастях или водяных глубинах; – все это исчезло. Они больше не живут в вере Разума, Но все же сердце нуждается в языке; все еще Старый инстинкт возвращает старые имена.»

Шиллер: Пикколомини, Акт. ii. Сцена 4.

Введение к третьему изданию

Предлагая публике новое издание восхитительного трактата мистера Томаса Тейлора об Элевсинских и Вакхических мистериях, уместно привести несколько пояснений. Когда-то эти обряды олицетворяли духовную жизнь Греции и на протяжении двух тысяч лет считались средством спасения через внутреннее единение с Божественной сущностью. Какими бы абсурдными или даже оскорбительными они нам ни казались, мы вынуждены будем задуматься, прежде чем осмелимся осквернить то, что другие считали святым. Мы можем извлечь ценный урок в этом отношении у греческих и римских писателей, научившихся относиться к популярным религиозным обрядам с насмешкой, но всегда рассматривавших Элевсинские мистерии с глубочайшим благоговением.

Именно невежество приводит к профанации. Люди высмеивают то, чего не понимают. Алкивиад был пьян, когда решился прикоснуться к тому, что его соотечественники считали священным. Течение этого мира направлено к одной цели; и внутри человеческого легковерия – назовите это человеческой слабостью, если вам угодно, – скрывается сила, почти безграничная, святая вера, способная постичь высшие истины всего бытия. Самые простые сны жизни, относящиеся к «незначительной тайне смерти», содержат в себе

больше, чем может охватить или объяснить внешний факт; и Миф, сколько бы ни доказывали, что он – дитя Земли, также принимается людьми как дитя Неба. Золушка из пепла станет Золушкой во дворце и будет выдана замуж за сына короля.

Как только мы пытаемся анализировать, осязаемые факты, на которых многие пытаются строить, исчезают под поверхностью, как фундамент, заложенный на зыбучем песке. «В самых глубоких размышлениях, – говорит один выдающийся писатель, – все, что мы называем внешним, является лишь материальной основой, на которой строятся наши мечты; а сон, окружающий жизнь, поглощает ее, – все это лишь тусклые обломки материи, плывущие то туда, то сюда и навсегда исчезающие из виду». Завершив анализ, мы теряем даже тень внешнего Настоящего, и только Прошлое и Будущее остаются нам в наследство. Это и есть первая инициация – закрытие глаз от внешнего. Но как еротае, синтезируя это Прошлое и Будущее в живой природе, мы получаем высшее, идеальное Настоящее, заключающее в себе все, что может быть реальным для нас в нас или вне нас. Это вторая инициация, в которой нам открывается Настоящее как новое рождение из нашей собственной жизни. Таким образом, великая проблема идеализма символически решается в Элевсинии.¹

Это были самые знаменитые из всех священных оргий,

¹ Atlantic Monthly, vol. iv. September, 1859.

получившие название «Мистерии». Несмотря на то, что в них явно прослеживаются черты восточного происхождения, они, очевидно, были скопированы с обрядов Исиды в Египте, представление о которых, более или менее верное, можно найти в «Метаморфозах» Апулея и «Эпикурейцах» Томаса Мура. Все действия, обряды и люди, участвующие в них, были символическими, а человек, раскрывающий их, предавался смерти без пощады. Так же поступал и любой непосвященный, случайно оказавшийся рядом. Инициации подвергались люди всех возрастов и обоих полов; пренебрежение этим, как и в случае с Сократом, считалось нечестивым и атеистическим. От всех кандидатов требовалось, чтобы они сначала были допущены к Микрам или Малым мистериям Агры, пройдя через процесс поста, называемый очищением, после чего их называли *mystæ*, или посвященными. Через год они могли вступить в высшую степень. В ней они постигали апоррету, или тайный смысл обрядов, и отныне назывались эфори, или эпоптæ. К некоторым внутренним таинствам, однако, допускались лишь очень избранные. Из них были взяты все служители священных обрядов. Иерофант, который председательствовал, был связан узами безбрачия и должен был посвятить всю свою жизнь священному посту. У него было три помощника: факелоносец, керукс, или глашатай, и служитель алтаря. Кроме того, были базилей, или царь, который был афинским архонтом, четыре куратора, избираемые голосованием, и десять чело-

век для жертвоприношений.^{2 3}

Священные оргии отмечались каждый пятый год и начинались 15 числа месяца Боэдромиан или сентября. Первый день назывался *agugmos*, или собрание, потому что в этот день собирались поклоняющиеся. Второй – день очищения, называемый также *aladé mystai*, по провозглашению: «К морю, посвященные!». Третий день был днем жертвоприношений; для этого приносили кефаль и ячмень с поля в Элевсисе. Присутствующим запрещалось вкушать то и другое; жертва приносилась только Ахтее (скорбящей Деметре). На четвертый день совершалось торжественное шествие. Несли калатос или священную корзину, за ней женщины, кисты или сундуки, в которых находились сезамум, чесаная шерсть, соль, гранаты, маки, а также тирси, змея, ветви плюща, лепешки и т. д. Пятый день назывался днем факелов. Вечером устраивали факельные шествия и много шума.

Шестой день был большим праздником. Статуя Иакха, сына Зевса и Деметры, была привезена из Афин Иакхогорою, вся увенчанная миртом. По пути слышался только шум пения и стук медных чайников, когда поклонники танцевали и бежали рядом. Образ проносили «через священные ворота, по священному пути, останавливаясь у священной смо-

² Иерофант (греч. *ἱεροφάντης* «показывающий священное») – у древних греков старший пожизненный жрец при Элевсинских таинствах.

³ Тот, кто объявляет, созывает собрания

ковницы (все священное, заметьте, из элевсинских ассоциаций), где процессия отдыхает, а затем переходит на мост через Кефисс, где снова отдыхает, и где выражение самой дикой скорби уступает место пустяковому фарсу, – подобно тому как Деметра, в разгар своей скорби, улыбалась легкомыслию Иамбе во дворце Целея». Через «мистический вход» мы попадаем в Элевсис. На седьмой день празднуются игры, и победителю дается мера ячменя – как бы дар прямо из рук богини. Восьмой день посвящен Эскулапию, божественному врачу, который исцеляет все болезни, а вечером совершается ритуал посвящения.

«Давайте войдем в мистический храм и пройдем посвящение, – хотя надо полагать, что год назад мы были посвящены в Малые мистерии в Агре. Мы должны быть мистами, прежде чем стать провидцами; говоря простым языком, мы должны закрыть глаза на все остальное, прежде чем сможем созерцать тайны. Увенчанные миртом, мы вместе с другими посвященными входим в притвор храма – пока еще слепые, но Иерофант внутри скоро откроет нам глаза.

«Но сначала, – ибо здесь мы не должны делать ничего необдуманного, – сначала мы должны омыться в этой святой воде; ибо именно с чистыми руками и чистым сердцем нам предписано войти в самое священное ограждение [μυστικός σῆκος, *mustikos sekos*]. Затем, введенные в присутствие Иерофанта, он читает нам из каменной книги [πτερόμα, *petroma*] вещи, которые мы не должны разглашать под стра-

хом смерти. Достаточно того, что они соответствуют месту и случаю; и хотя вы могли бы посмеяться над ними, если бы они были сказаны на улице, все же вы кажетесь очень далекими от этого настроения сейчас, когда слышите слова старца (ибо он всегда был стар) и смотрите на явленные символы. И уж совсем далеки вы от насмешек, когда Деметра своими особыми изречениями и сигналами, яркими вспышками света и нагромождением облаков запечатлевает все, что мы видели и слышали от ее священного жреца; а затем, наконец, свет безмятежного чуда наполняет храм, и мы видим чистые поля Элизиума, и слышим хор блаженных; -тогда, не просто по внешней видимости или философскому толкованию, но в действительности, Иерофант становится Творцом [δημιουργος, demíourgος] и открывателем всех вещей; Солнце – лишь его факелоносец, Луна – служитель алтаря, а Гермес – его мистический вестник [κηρυξ, kerux]. Но вот произнесено последнее слово: „Сонх Ом рах“. Обряд завершен, и мы навсегда стали эпоптами!»^{4 5}

Те, кому интересно узнать миф, на котором основана «ми-

⁴ В восточных странах титулом этого человека, по-видимому, было обозначение Петр (толкователь); а петрома (пара каменных табличек, употребляемых иерофантом при высшем посвящении в течение завершающей мистерии), что примечательно, состояла из двух каменных скрижалей. В этих фактах есть некоторое напоминание о специфических обстоятельствах Моисеева закона, который был сохранен таким образом; а также о претензии Папы на то, чтобы быть преемником Петра, иерофанта или толкователя христианской религии.

⁵ Порфирий.

стическая драма» Элевсинии, найдут его в любом классическом словаре, а также на этих страницах. Здесь уместно лишь дать некоторое представление о его смысле. О том, что она считалась глубокой, свидетельствуют особые обряды и обязательства, налагаемые на каждого посвященного. Не соблюдать их считалось позором. Сократа обвиняли в атеизме или неуважении к богам за то, что он никогда не проходил инициацию. Любой человек, случайно виновный в убийстве, любом преступлении или осужденный за колдовство, исключался. Предполагается, что тайные доктрины были теми же, что изложены в знаменитом гимне Клеанфа. Философ Исократ так свидетельствует об этом: «Она [Деметра] дала нам два дара, которые являются самыми превосходными: плоды, чтобы мы не жили как звери, и инициацию – те, кто участвует в ней, имеют более сладкую надежду, как на конец жизни, так и на вечность». Подобным образом Пиндар заявляет: «Счастлив тот, кто, увидев их, спускается в подземный мир: он знает конец, он знает происхождение жизни». ⁶

Считается, что вакхические оргии были учреждены или,

⁶ Древний символ-поклонение, стр. 12, примечание. Сократ не был посвящен, но, выпив болиголова, он обратился к Крито: «Мы обязаны петухом Скулапию». Это было особое подношение, которое совершали посвященные (теперь их называют керкнофорами) в канун последнего дня, и таким образом он символически утверждал, что вот-вот получит великий апокалипсис». См. также «Прогресс религиозных идей» Лидии Марии Чайлд, т. ii, с. 308; и «Рассуждения о поклонении Приапу» Ричарда Пейна Найта.

скорее всего, реформированы Орфеем, мифическим персонажем, якобы процветавшим во Фракии.⁷

Орфические объединения посвятили себя поклонению Вакху, в котором они надеялись найти удовлетворение горячего стремления к достойному и возвышающему влиянию религиозной жизни. Поклонники не предавались безудержным удовольствиям и неистовому энтузиазму, а стремились к аскетической чистоте жизни и нравов. Поклонение Дионису было центром их идей и отправной точкой всех их рассуждений о мире и человеческой природе. Они верили, что человеческие души заключены в теле, как в тюрьме, это состояние называлось генезисом или поколением, из которого их освобождает Дионис.

⁷ Еврипид: Раисус. «Орфей показал обряды скрытых Мистерий». Платон: Протагор. «Искусство софиста или мудреца – древнее, но люди, предлагавшие его в древности, опасаясь связанной с ним одиозности, стремились скрыть его и прикрыть, одни – под одеждой поэзии, как Гомер, Гесиод и Симонид, другие – под одеждой мистерий и пророческих маний, как Орфей, Мускус и их последователи». Эродот придерживается другой точки зрения – III. 49. «Меламп, сын Амитеона, – говорит он, – ввел в Греции имя Диониса (Вакха), церемонии его поклонения и шествия с фаллосом. Однако он не настолько хорошо усвоил всю доктрину, чтобы передать ее полностью: но различные мудрецы, начиная с его времени, довели его учение до большего совершенства. Тем не менее, несомненно, что Меламп ввел фаллос, и что греки научились у него тем церемониям, которые они практикуют сейчас. Поэтому я утверждаю, что Меламп, который был мудрецом и овладел искусством гадания, познакомившись с поклонением Дионису через знания, полученные в Египте, ввел его в Греции с небольшими изменениями, в то же время он привнес и различные другие практики. Ибо я ни в коем случае не могу допустить, что вакхические церемонии в Греции являются простым совпадением и почти не отличаются от египетских».

Их страдания, стадии, через которые они переходят в высшую форму существования, их катарсис или очищение, и их просветление составляли темы орфических писателей. Все это было представлено в легенде, которая легла в основу мистических обрядов.

Дионис-Загрей был сыном Зевса, которого он породил в виде дракона или змеи на лице Коре или Персефоны, которую одни считали тождественной Церере или Деметре, а другие – ее дочерью. Первая идея, скорее всего, более правильная. Церера или Деметра называлась Коре в Книдосе. Во фрагменте Пселла она называется Ферсефаттой, а также фурией. Божественное дитя, аватар или воплощение Зевса, называлось Загреем, или Чакрой (санскр.), как предназначенное к всеобщему владычеству. Но по наущению Геры титаны сговорились убить его. Однажды, когда он созерцал зеркало, они набросились на него, замаскировав под штукатуркой, и разорвали на семь частей. Афина, однако, спасла от них его сердце, которое было проглочено Зевсом и возвращено в отцовскую субстанцию, чтобы быть порожденным заново. Таким образом, ему было суждено родиться заново, стать преемником всеобщего правления, установить царствование счастья и освободить все души от власти смерти.

8 9

⁸ Гера, обычно рассматриваемая как греческий титул Юноны, не является определенным именем какой-либо богини, а использовалась древними писателями только в качестве обозначения. Оно означает *domina* или *lady* и, по-видимому, имеет санскритское происхождение. Оно применяется к Церере или Де-

Гипотеза мистера Тейлора аналогична той, которой придерживался философ Порфирий: мистерии являются иллюстрацией к платоновской философии. На первый взгляд, в это трудно поверить, но мы должны знать, что ни одно представление не могло бы длиться так долго без скрытого смысла. Действительно, Геродот утверждает, что «обряды, называемые орфическими и вакхическими, на самом деле являются египетскими и пифагорейскими» Влияние доктрин Пифагора на платоновскую систему общепризнанно. В этом случае важно лишь правильно понять великого философа, и у нас есть ключ к доктринам и символизму мистерий.¹⁰

Первые инициации Элевсинских мистерий назывались

метре, а также к другим божествам.

⁹ Зеркало было частью символики Тесмофории и использовалось в поисках Атму, Сокрытого, очевидно, того же самого, что и Таммуз, Адонис и Атис. См. Исход xxxviii. 8; 1 Царств ii. 22; Иезекииль viii. 14. Но несмотря на утверждение Геродота и других, что вакхические мистерии на самом деле были египетскими, существует большая вероятность того, что они пришли из Индии и были сиваитскими или буддийскими. Кор*-Персефонея – это богиня Парасу-пани или Бхавани, покровительница головорезов, называемая также Гор*е; а Загреус – из Чакры, страны, простирающейся от океана до океана. Если это туранская или тартарская история, мы легко узнаем в «рогах» полумесяц, который носят ламы-жрецы, и, переведя имена богов как просто сакральные обозначения, предположим, что вся легенда основана на сказке о преемственности и переселении ламы. Титаны в таком случае были бы даитьями Индии, которые противостояли вере северных племен; а титул Диониса означал бы бога или главного жреца Ныса, или горы Меру. Вся история Орфея, создателя или, скорее, реформатора вакхических обрядов, имеет индуистское звучание.

¹⁰ Herodotus: ii. 81.

Teletæ или окончание, что означало завершение и очищение несовершенного и зачаточного периода порожденной жизни; кандидат назывался *mysta*, освобожденным или освобожденным человеком. Великие мистерии завершали работу; кандидат получал более полное обучение и дисциплину, становясь эпоптой или провидцем. Теперь он считался получившим арканные принципы жизни. К этому же стремилась и философия. Считалось, что душа имеет составную природу, с одной стороны, она связана с вечным миром, исходит от Бога и причастна к Божественности. С другой стороны, она также связана с феноменальным или внешним миром, и поэтому может быть подвержена страстям, похоти и рабству зла. Это состояние называется поколением; предполагается, что оно является своего рода смертью для высшей формы жизни. Зло присуще этому состоянию, а душа обитает в теле, как в тюрьме или могиле. В этом состоянии, предшествующем дисциплине воспитания и мистическому посвящению, рациональный или интеллектуальный элемент, который Павел называет духовным, находится в состоянии сна. Земная жизнь – это скорее сон, чем реальность. Однако она стремится к более высокой и благородной форме жизни, и ее сродство находится на высоте. «Все люди стремятся к Богу», – говорит Гомер. Задача Платона – представить нам тот факт, что в душе существуют определенные идеи или принципы, врожденные и врожденные, которые не берутся извне, а предшествуют всякому опыту, развиваются и доводятся

до сведения, но не производятся опытом. Эти идеи являются самыми жизненно важными из всех истин, и цель обучения и дисциплины состоит в том, чтобы человек осознал их и захотел быть ведомым и вдохновленным ими. Душа очищается или отделяется от пороков с помощью знаний, истины, искушений, страданий и молитв. Наша жизнь – это дисциплина и подготовка к другому состоянию бытия, а уподобление Богу – высший мотив деятельности. Прокл без колебаний отождествляет теологические доктрины с мистическими догмами орфической системы. Он говорит: «То, что Орфей передавал в скрытых аллегориях, Пифагор узнал, когда был посвящен в орфические мистерии; а Платон впоследствии получил совершенное знание о них из орфических и пифагорейских писаний». ¹¹

Своеобразный стиль мистера Тейлора неоднократно подвергался критике, а его переводы не принимаются учеными-классиками. Тем не менее, они пользуются благосклонностью людей, способных к глубокому и глубокому мышлению; и следует признать, что он был наделен более высокой квалификацией – интуитивным восприятием внутрен-

¹¹ Многие раннехристианские писатели были глубоко проникнуты эклектическими или платоническими доктринами. Сами формы речи были почти идентичны. Одно из четырех Евангелий, носящее название «от Иоанна», было явным продуктом платоника и едва ли в значительной степени похоже на еврейское или историческое. Послания, приписываемые Павлу, свидетельствуют о большом знакомстве с эклектической философией и своеобразным символизмом мистерий, а также с митраистскими представлениями, которые проникли в религиозные идеи западных стран.

него смысла предметов, которые он рассматривал. Другие могли знать больше греческого, но он знал больше Платона. Он посвятил свое время и средства разъяснению и распространению доктрин божественного философа; он перевел на английский язык не только свои труды, но и работы других авторов, затронувших учения великого мастера, которые избежали уничтожения от рук мусульманских и христианских фанатиков. За этот труд мы не можем быть слишком благодарны.

Настоящему трактату присущи все особенности стиля, характерные для переводов.

Основные трудности, связанные с ними, мы постарались устранить – труд, который, мы надеемся, не будет неприемлемым для читателей. Книга уже некоторое время не издается, и никто из последующих авторов не пытался ее заменить.

Есть много людей, которые до сих пор относятся к автору с уважением, доходящим почти до почитания; и мы надеемся, что это воспроизведение его восхитительного объяснения природы и цели Мистерий окажется для них желанным начинанием.

Интерес к философской, мистической и прочей античной литературе растет, и мы верим, что наш труд будет иметь определенную ценность для той категории читателей, чьей симпатией, доброй волей и дружбой мы с радостью будем обладать и дорожить. Если мы добавим им удовольствия, мы будем вдвойне удовлетворены.

A. W.

Приложение

к авторскому изданию

Как нет ничего более знаменитого, чем мистерии древних, так, пожалуй, нет ничего, что до сих пор было бы менее прочно известно. В истинности этого замечания либеральный читатель, как я убежден, полностью убедится, внимательно прочитав следующие листы, в которых раскрывается тайный смысл Элевсинских и Вакхических мистерий, исходя из авторитетов самых уважаемых, а также из философии всех других, самых почтенных и августейших.

Авторитет, правда, в основном почерпнут из рукописей, которыми, конечно, владеют немногие; но его респектабельность не более уменьшается от его сокрытия, чем ценность бриллианта, когда он укрыт от света. Что же касается философии, с помощью которой разрабатываются эти мистерии, то она созвучна самой Вселенной; и, как бы ни нарушалась ее непрерывность противоборствующими системами, она будет появляться в разные периоды времени, пока само солнце будет продолжать освещать мир. На нее, правда, уже нападали и могут напасть в будущем заблуждения; но это противостояние будет столь же нелепым, как и противостояние морских волн храму, построенному на скале, которая величественно отбрасывает их назад, разбитые и побежденные, с пеной уxo-

дящие в море.

I. Элевсинские мистерии

Доктор Уорбертон в своем «Божественном послании Моисея» гениально доказал, что шестая книга «Энеиды» Вергилия представляет собой некоторые из драматических экспозиций Элевсинских мистерий; но в то же время он потерпел полное фиаско, пытаясь раскрыть их скрытый смысл и неясную, хотя и важную цель. Однако с помощью платоновской философии мне удалось исправить его ошибки и защитить мудрость античности от его нападок с помощью подлинного рассказа об этом возвышенном учреждении; следующие наблюдения предназначены для всеобъемлющего обзора.

Прежде всего, я представлю читателю два превосходных авторитета, которые прекрасно доказывают, что часть представлений (или драм) состояла в изображении адских областей; авторитеты, которые, хотя и имеют последнее значение, были неизвестны самому доктору Уорбертону. Первый из них – не кто иной, как бессмертный Пиндар, во фрагменте, сохраненном Клеменсом Александрином: «*Ἀλλὰ καὶ Πίνδαρος περὶ τῶν ἐν Ἐλευσίνι μυστηρίων λεγὼν ἐπιφέρει. Ὀλβιος, οὅστις ἰδὼν ἐκεῖνα, κοῖνα εἰς ὑποχθονία, οἶδεν μὲν βίον τελευτᾶν, οἶδεν δὲ διὸς δότον ἀρχαν.*» i. e. “ Но Пиндар, говоря об Элевсинских мистериях, заявляет: Блажен тот, кто, увидев эти общие заботы в подземном мире, знает и конец жизни, и ее божественное происхождение от Юпи-

тера». Другая цитата принадлежит Проклу в его комментарии к «Политике» Платона, который, говоря о сакральной и символической мифологии, замечает, что на основе этой мифологии Платон сам устанавливает многие из своих особых доктрин, «поскольку в «Федре» он почитает, со свойственным ему молчанием, утверждение, высказанное в арканических беседах, что люди помещены в тело, как в тюрьму, охраняемую стражей, и свидетельствует, согласно мистическим церемониям, о различных распределениях очищенных и неочищенных душ в Аиде, их разделенных состояниях и пути с тремя вилами из особых мест, где они находились; И это было показано в соответствии с традиционными установлениями, каждая часть которых полна символических представлений, как во сне, и описаний, которые касались восходящих и нисходящих путей, трагедий Диониса (Вакха или Загрея), преступлений Титанов, трех путей в Аиде, и блуждания всего подобного.» – «Ἀλλοι δὲ ἐν Φαίδωνι τὸν τε ἐν ἀπρὸρητοῖς λεγόμενον, ὥς ἐντὶνι φρουρὰ ἐσμεν οἱ ἀνθρώποι, σιγῇ τῇ τρεπούσῃ σεβῶν, καὶ τὰς τελέτας (lege καὶ κατὰ τὰς τελέτας) μαρτυρούμενος τῶν διαφορῶν λήξεων τῆς ψυχῆς κεκαθαρμένης τε καὶ ἀκαθάρτου εἰς ἄδου ἀπιούσης, καὶ τὰς τε σχέσεις αὐ, καὶ τὰς τριόδους ἀπὸ τῶν οὐσιῶν καὶ τῶν (lege καὶ κατὰ τῶν), πατρικῶν θεσμῶν τεκμαιρούμενος. αὐτὴ δὲ τῆς συμβολικῆς ἅπαντα θεωρίας ἐστὶ μέστα, καὶ τῶν παρὰ τοῖς ποιηταῖς θρυλλουμένων ἀνοδῶν τε καὶ καθόδων, τῶν τε διονυσιακῶν συνθημάτων, καὶ

των τιτανικων ἀμαρτηματων λεγομενων, και των εν ᾧδου
τριωδων, και της πλανης, και των τοιουτων ἁπαντων.»^{12 13}

Исходя из этого, я перехожу к доказательству того, что драматические зрелища Малых Мистерий были задуманы древними теологами, их основателями, чтобы оккультно обозначить состояние неочищенной души, облеченной в земное тело и окутанной материальной и физической природой; Или, другими словами, чтобы обозначить, что такая душа в настоящей жизни, можно сказать, умирает, насколько это возможно для души, и что при растворении настоящего тела, пока она находится в этом состоянии нечистоты, она испытает смерть еще более постоянную и глубокую. То, что душа, действительно, пока не очищена философией, терпит смерть через соединение с телом, было очевидно для филолога Макробия, который, не понимая тайного смысла древних, заключил отсюда, что под описанием адских обителей они подразумевали не что иное, как настоящее тело. Но это явный абсурд, поскольку, по общему мнению, все древние поэты и философы-богословы в самых полных и решительных выражениях прививали доктрину будущего состояния наград и наказаний, в то же время завуалированно намекая, что смерть души – это не что иное, как глубокое единение с разрушительными узами тела. Действительно, если эти мудрецы верили в будущее возмездие и в то же время

¹² Строматы, книга iii.

¹³ Комментарий к «Государственному деятелю» Платона, стр. 374.

считали соединение с телом смертью души, то из этого неизбежно следует, что наказание и существование души в будущем – не более чем продолжение ее нынешнего состояния и переселение, так сказать, из сна в сон и из сна в сон. Но давайте обратимся к утверждениям этих божественных людей относительно соединения души с материальной природой. Начнем с неясного и глубокого Гераклита, говорящего о душах бестелесных: «Мы живем их смертью, а умираем их жизнью». Ζωμεν τον εκεινων θανατον, τεθνηκαμεν δε τον εκεινων βιον.^{14 15}

А Эмпедокл, осуждая состояние, называемое «поколением», прекрасно говорит о ней:

Аспект, меняющийся с ужасом разрушения,
Она заставляет живых переходить в мертвых.
Εκ μεν γαρ ζων επιθει νεκρα ειδε αμειβων.

И снова, оплакивая свою связь с этим телесным миром, он патетически восклицает:

Об этом плачу я, об этом скорблю я,
Чтоб когда-нибудь моя душа познала такие новые царства.

Κλαυσα τε και κωκυσα, ωων ασυνηθεα χωρον.

Платон, как известно, тоже считал тело усыпальницей души и в «Кратиле» соглашается с учением Орфея, что душа

¹⁴ Малые мистерии проводились в Агре; посвященные там назывались миста-ми: Только такие люди могли быть приняты на священные обряды в Элевсисе.

¹⁵ Философия здесь относится к дисциплине жизни.

наказывается через соединение с телом. Такого же мнения придерживался и знаменитый пифагореец Филолай, что явствует из следующего примечательного отрывка на дорийском диалекте, сохраненного Клементом Александрийским в «Строматах», книга III. «Μαρτυρεοντα δε και οι παλαιοι θεολογοι τε και μαντιες, ὡς δια τινος τιμωριας, ἡ ψυχα τῷ σωματι συνεζευκται, και καθαπερ εν σωματι τοιῷ τεθαπται.» i. e.

«Древние богословы и жрецы также свидетельствуют, что душа соединяется с телом как бы для наказания; и поэтому погребена в теле, как в гробу». И, наконец, сам Пифагор подтверждает вышеупомянутые настроения, когда прекрасно замечает, согласно Клементу в той же книге, «что все, что мы видим, когда бодрствуем, есть смерть; а когда спим, сон». θανατος εστιν, окоσα ευερθεντες ορεομεν· окоσα δε ευδοντες, ύπνος.^{16 17}

Но то, что мистерии оккультно обозначали эту возвышенную истину, что душа, будучи слитой с материей, пребывает среди мертвых как здесь, так и в будущем, хотя и следует в необходимой последовательности из предыдущих наблюдений, все же неоспоримо подтверждается свидетельством великого и истинно божественного Плотина в Эннеаде I.,

¹⁶ Греческое manteis – более правильно – пророки, те, кто исполнен пророческой мании или экстаза.

¹⁷ Правильнее: «Душа привязана к телу как бы в наказание», так как преступников прикрепляли к другим или даже к трупам. См. Послание Павла к римлянам, vii, 25.

книга viii. «Когда душа, – говорит он, – нисходит в род (из своего первого божественного состояния), она приобщается к злу и проходит большой путь до состояния, противоположного ее первой чистоте и целостности, быть полностью слитой с которым – не что иное, как погрузиться в темную трясину». И снова, вскоре после этого: «Душа, таким образом, умирает настолько, насколько это возможно для души, и смерть для нее – это, будучи крещенной или погруженной в настоящее тело, опуститься в материю и быть полностью подчиненной ей; и после выхода оттуда лежать там, пока она не восстанет и не отвернет свое лицо от отвратительной грязи. Именно это подразумевается под засыпанием в Аиде тех, кто туда попал». ^{18 19}

¹⁸ Греческое ὕψι, материя, которая, как предполагается, содержит все отрицательные принципы жизни, порядка и добра.

¹⁹ Этот отрывок, несомненно, отсылает к древней и прекрасной истории о Купидоне и Психее, в которой Психея, как говорят, засыпает в Аиде; и это из-за необдуманной попытки созерцать телесную красоту: наблюдение Плотина позволит глубокому и созерцательному читателю раскрыть большую часть тайн, содержащихся в этой элегантной басне. Но еще до Плотина Платон в седьмой книге своей «Республики» утверждает, что те, кто не способен в настоящей жизни постичь идею блага, после смерти спускаются в Аид и засыпают в его мрачных чертогах. «Тот, кто не в состоянии с помощью своего разума определить идею блага, отделяя ее от всех других объектов и пробиваясь, как в битве, через все виды аргументов; пытаюсь опровергнуть не по мнению, а по сути, и проходя через все эти диалектические энергии с непоколебимым разумом; – тот, кто не может достичь этого, не скажете ли вы, что он не знает ни самого блага, ни чего-либо, что правильно называется благом? И разве вы не утверждаете, что такой человек, когда он воспринимает какой-либо определенный образ реальности, воспринимает его скорее через посредство мнения, чем науки; что в настоящей жизни он

Γινομενω δε ἡ μεταληψις αὐτου. Γινεται γαρ πανταπασιν εν τῳ της ανομοιοτητος τοπω, ενθα δυς εις αυτην εις βορβορον σκοτεινον εσται πεσων. — Αποθνησκει ουν, ως ψυχη αν θανοι· και ὁ θανατος αυτη, και επι εν τῳ σωmati βεβαπτισμενη, εν ὑλῃ εστι καταδυναи, και πλησθηναι αυτης. Και εξελθουσης εκει κεισθαι, εως αναδραμη και αφελῃ πως την οψιν εκ του βορβορου. Και τουτο εστι το εν ᾧδου ελθοντα επικата δαρθειν.

Здесь читатель может заметить, что неясная доктрина Мистерий, упомянутая Платоном в «Федре», о том, что неочищенная душа в будущем состоянии погружается в трясину, прекрасно объяснена; в то же время наше утверждение об их тайном смысле не менее существенно подтверждено. Подобным же образом тот же божественный философ в своей книге о Прекрасном, Эннеада, I., vi., объясняет басню о Нарциссе как эмблему того, кто устремляется к созерцанию разумных (феноменальных) форм, как если бы они были со-

погружен в сон и общается с заблуждением сновидений; и что прежде чем он будет пробужден к бдительности, он спустится в Аид и будет погружен в глубокий сон». Генри Дэвис переводит этот отрывок более критично: «Разве не то же самое можно сказать о благе? Тот, кто не может логически определить его, абстрагируя идею блага от всех других и принимая, как в поединке, один противоположный аргумент за другим, и не может перейти к неизменным доказательствам, стремясь успокоиться не на основании мнения, а на основании истинного бытия, — такой человек не знает ни самого блага, ни какого бы то ни было блага; И если он достиг какого-либо знания о благе, мы должны сказать, что он достиг его по мнению, а не по науке; что он спит и грезит о своей нынешней жизни; и прежде чем он проснется, он сойдет в Аид и там будет глубоко и совершенно усыплен. « vii. 14.

вершенными реальностями, в то время как они не более чем прекрасные образы, появляющиеся в воде, ложные и тщетные. «Следовательно, – говорит он, – как Нарцисс, ухватившись за тень, погрузился в поток и исчез, так и тот, кто пленяется прекрасными телами и не выходит из их объятий, погружается не телом, а душой во тьму, глубокую и противную интеллекту (высшей душе), через которую, оставаясь слепым и здесь, и в Аиде, он соприкасается с тенями».^{20 21}

Τον αὐτον δὴ τροπον ὁ ἐχόμενος τῶν καλῶν σῶμα τῶν, καὶ μὴ ἀφίεις, οὐ τῷ σῶματι, τῇ δὲ ψυχῇ καταδύσεται, εἰς σκοτεινὰ καὶ ἀτερπῆ τῷ νῷ βᾶθῃ, ἐνθα τυφλὸς ἐν ᾧ δούμενων, καὶ ἐνταῦθα κακεὶ σκίαις συνεστί. И что еще более подтверждает наше изложение, так это то, что материя рассматривалась египтянами как некая трясина или грязь. «Египтяне, – говорит Симплиций, – называли материю, которую они символически обозначали водой, отбросами или осадком первой жизни; материя была, так сказать, некой трясинной или грязью». Διὸ καὶ Αἰγυπτιοὶ τὴν τῆς πρώτης ζωῆς, ἣν ὕδωρ συμβολικῶς ἐκαλοῦν, ὑποσταθμὴν τὴν ὕλην

²⁰ Ph1do, 38. «Те, кто учредил для нас мистерии, похоже, намекнули, что тот, кто придет в Аид неочищенным и не посвященным, будет лежать в грязи; но тот, кто придет туда очищенным и посвященным, будет жить с богами. Ибо много носителей жезла или тирса, но мало тех, кто вдохновлен».

²¹ Интеллект, греч. Πῦν, nous, является высшей способностью ума. Это практически то же самое, что и пневма, или дух, о котором говорится в Новом Завете; поэтому термин «интеллект», используемый в переводе платоновских писателей мистером Тейлором, можно смело читать как духовный, тем, кто знаком с христианским культом. A. W.

ἐλεγον, ὅτιον ἰλον τινα οὐσαν. Так что из всего сказанного мы можем смело заключить с Фицином, слова которого как нельзя более точно соответствуют нашей цели. «Наконец, — говорит он, — чтобы я мог в нескольких словах изложить мнение древних теологов о состоянии души после смерти: они считали, как мы уже утверждали в другом месте, божественные вещи единственной реальностью, а все остальное — лишь образами и тенями истины. Поэтому они утверждали, что благоразумные люди, которые искренне занимаются божественными заботами, находятся в бдительном состоянии прежде всех остальных. А неосмотрительные [то есть лишенные предвидения] люди, преследующие цели иной природы, будучи погружены в сон, занимаются лишь иллюзиями сновидений; и что если им случается умереть в этом сне, не пробудившись, то в будущем состоянии они будут страдать от подобных и еще более ослепительных видений. И что как тот, кто в этой жизни стремился к реальности, после смерти будет наслаждаться высшей истиной, так и тот, кто стремился к обману, в будущем будет мучиться от заблуждений и иллюзий в высшей степени: как один будет наслаждаться истинными объектами наслаждения, так другой будет мучиться от иллюзорных подобий реальности. «-Denique ut priscorum theologorum sententiam de statu animæ post mortem paucis comprehendam: sola divina (ut alias diximus) arbitrantur res veras existere, reliqua esse rerum verarum imagines atque umbras. Ideo prudentes homines, qui

divinis incumbunt, prae ceteris vigilare. Imprudentes autem, qui sectantur alia, insomniis omnino quasi dormientes illudi, ac si in hoc somno priusquam expergefacti fuerint moriantur similibus post discessum et acrioribus visionibus angī. Et sicut eum qui in vita veris incubuit, post mortem summa veritate potiri, sic eum qui falsa sectatus est, fallacia extrema torqueri, ut ille rebus veris oblectetur, hic falsis vexetur simulachris.».^{22 23}

Но несмотря на то, что эта важная истина неявно намекалась в Малых мистериях, мы не должны полагать, что она была общеизвестна даже самим посвященным: поскольку к этим обрядам допускались люди почти всех мастей, было бы нелепой проституцией раскрывать перед толпой теорию, столь абстрактную и возвышенную. Достаточно было ознакомить их с доктриной будущего состояния наград и наказаний, а также с тем, как вернуться к принципам, от которых они изначально отпали: ведь эта последняя часть информации, согласно Платону в «Федре», была конечной целью мистерий; а первая обязательно вытекает из настоящего рассуждения. Отсюда следует, что ни для кого, кроме пифагорейских и платоновских философов, которые черпали свою теологию от самого Орфея, первоначального основателя этих священных институтов, не было очевидно, почему мы не встречаем никаких сведений в этой области ни у одного писателя до Плотина, поскольку он был первым, кто, про-

²² Физика Аристотеля.

²³ Ficinus: De Immortal. Anim. book xviii.

никнув в глубокую внутреннюю мудрость древности, донес ее до потомков без укрытия мистических символов и сказочных повествований.^{24 25}

Отсюда, как мне кажется, можно с большой долей вероятности заключить, что этот тайный смысл мистерий не был известен даже самому Вергилию, который так изящно описал их внешнюю форму; ведь несмотря на следы платонизма, которые можно обнаружить в «Энеиде», во всем произведении нет ничего глубокого, кроме того, что легко может дать поверхностное чтение Платона и драм о мистериях. Но этого не замечают современные читатели, которые, совершенно не разбираясь в платонизме и очарованные чарами его поэзии, считают его глубоко сведущим в предмете, с кото-

²⁴ В Новом Завете мы наблюдаем аналогичную склонность Иисуса и Павла классифицировать свои доктрины как эзотерические и экзотерические, «тайны Царства Божьего» для апостолов и «притчи» для народа. «Мы говорим мудрость, – говорит Павел, – между совершенными» (или посвященными) и т. д. 1 Коринфянам, ii. Также Иисус заявляет: «Вам дано знать тайны Царства Небесного, а им не дано; потому говорю им притчами, ибо они, видя, не видят, и слыша, не слышат, и не разумеют» – Мф. xiii, 11—13. Он также оправдывал удержание высших и внутренних знаний от необученных и недоброжелательных людей в памятной Нагорной проповеди: Матфея vii: «Не давайте святыни псам, и жемчуга вашего не бросайте свиньям; ибо свиньи растопчут их под ногами своими. И псы обратятся и растерзают вас». Это же разделение христиан на неопитов и совершенных, похоже, сохранялось на протяжении веков; Годффри Хиггинс утверждает, что оно сохраняется и в Римской церкви. W.

²⁵ Геродот, ii, 51, 81. «То, что Орфей передавал в скрытых аллегориях, Пифагор узнал, когда был посвящен в Орфические мистерии; а Платон получил знания о них из орфических и пифагорейских писаний».

рым он, скорее всего, был знаком лишь слегка. Это мнение еще более укрепляется, если учесть, что доктрина, изложенная в его «Эклогах», совершенно эпикурейская, что было модной философией эпохи Августа; и что нет никаких следов платонизма ни в одной другой части его произведений, кроме настоящей книги, которая, содержащая представление о мистериях, была вынуждена показать некоторые из основных догматов этой философии, поскольку они иллюстрировали и составляли часть этих мистических выставок. Однако, если предположить, что эта книга представляет нам верный взгляд на часть этих священных обрядов, и это сопровождается максимальным изяществом, гармонией и чистотой стихосложения, ее следует рассматривать как бесценную реликвию древности и драгоценный памятник почтенного мистицизма, тайной мудрости и богословских сведений. Это будет достаточно очевидно из того, что уже было сказано, если рассмотреть некоторые из прекрасных описаний этой книги в их естественном порядке; в то же время сами описания подтверждают настоящие разъяснения.²⁶

Прежде всего, когда он говорит,

———*facilis descensus Averno.*

Noctes atque dies patet atra janua ditis:

Sed revocare gradum, superasque evadere ad auras,

Hoc opus, hic labor est. Pauci quos æquus amavit

Jupiter, aut ardens evexit ad æthera virtus,

²⁶ Древний символ-поклонение, стр. 11, примечание.

Dis geniti potuere. Tenent media omnia silvæ,
Cocytusque sinu labens, circumvenit atro————†

† Перевод Дэвидсона: «Легка дорога, ведущая в ад; мрачные ворота Плутона открыты днем и ночью; но проследить свой путь и спастись в верхних краях — это труд, это задача. Лишь немногие, кого любил благосклонный Юпитер, или прославленная добродетель вознесла на небо, сыновья богов, справились с этой задачей. Леса покрывают все промежуточное пространство, а Коцит, скользя своим черным, извилистым потоком, окружает его.»

...Не очевидно ли из предыдущего объяснения, что под Авернусом в этом месте и темными вратами Плутона мы должны понимать телесную или внешнюю природу, нисхождение в которую, действительно, всегда очевидно и легко, но вспомнить наши шаги и подняться в верхние регионы, или, другими словами, отделить душу от тела с помощью очистительной дисциплины, — это действительно могучая работа и трудоемкая задача? Лишь немногие, любимцы небес, то есть рожденные с истинным философским гением, которых пламенная добродетель возвысила до склонности и способности к божественному созерцанию, смогли осуществить эту трудную задачу. Но когда он говорит, что все средние области покрыты лесами, это также явно намекает на материальную природу; слово *silva*, как хорошо известно, используется древними писателями для обозначения материи и подразумевает не что иное, как то, что проход ведет

в barathrum [бездну] тела, т. е. в глубокий мрак и беспмятство. то есть в глубокий мрак и забвение, лежит через материальную природу; и эта среда окружена черным лоном Коцита, то есть горьким плачем и причитаниями, необходимыми следствиями союза души с природой, совершенно чуждой ее собственной. Так что в этом поэт полностью совпадает с Эмпедоклом в процитированной нами выше строке, где он, говоря об этом союзе, восклицает, ^{27 28}

Об этом плачу я, об этом скорблю я,

Чтоб когда-нибудь душа моя познала такие новые царства».

В следующем месте он так описывает пещеру, через которую Эней спустился в адские области:

Spelunca alta fuit, vastoque immanis hiatu,
Scrupea, tuta lacu nigro, memorumque tenebris:
Quam super hand ullæ poterant impune volantes
Tendere iter pennis: talis sese halitus atris
Faucicus effundens supera ad convexa ferebat:
Unde locum Graii dixerunt nomine Aornum——†

† Перевод Дэвидсона: «Была пещера глубокая и страшная, с широким зияющим ртом, каменная, огражденная черным озером, р. 53 и мраком леса; над ней никто из летающих не мог пролететь невредимым; выхлопы, исходяв-

²⁷ Т.е. склонность к исследованию с целью получения истины и применения ее на практике.

²⁸ Коцит, плач, река в подземном мире.

шие из ее мрачной пасти, поднимались к сводчатым небесам; по этой причине греки называли это место именем Аорнос» (без птиц).²⁹

Разве это не прекрасное представление телесной природы, очевидной эмблемой которой является пещера, защищенная черным озером и темным лесом? Ибо она оккультно напоминает нам о вечно текущем и неясном состоянии такой природы, о которой можно сказать, что она

Непрерывно катится со стремительной быстротой, как некая темная река, в море Материи.

Не менее уместно назвать ее и *Aornus*, то есть лишенной птиц, или крылатой природой; ведь из-за своей изначальной вялости и бездеятельности, а также слитого состояния, находясь в самой крайней точке вещей, она совершенно дебильна и вяла, неспособна подняться в регионы реальности и сменить свое туманное и униженное положение на сколь угодно великолепное и божественное. Уместность жертвоприношения Ночи и Земли, предшествующего его вступлению, также очевидна, поскольку оба они являются эмблемами телесной

²⁹ Джейкоб Брайант говорит: «Все фонтаны считались священными, но особенно те, которые обладали какими-либо сверхъестественными свойствами и изобиловали выдохами. Существовало всеобщее представление, что от этих выделений исходит божественная энергия и что люди, живущие в их окрестностях, наделены пророческими способностями.... Аммонитяне называли такие фонтаны *Айн Омф**, или фонтаны оракула; *omph**, означало „голос Бога“. Эти термины греки сократили до *pumrhe*, нимфа» – Древняя мифология, т. I. стр. 276. Дельфийский оракул находился над расщелиной, *gounous* или *bocca inferiore*, земли, и питонесса вдыхала пары.-A. W.

природы.

В стихах, которые следуют непосредственно за этим, —
Ecce autem, primi sub limina solis et ortus,
Sub pedibus mugire solum, et juga cæpta movere
Silvarum, visaque canes ululare per umbram,
Adventante dea——*

* «Так и теперь, при первых лучах и восходе солнца, земля под ногами начинает грохотать, лесистые холмы дрожать, а в тени раздаётся вой собак, когда богиня приходит сюда».

мы можем увидеть явную аллюзию на землетрясения и т.д., сопровождающие спуск души в тело, упомянутые Платоном в десятой книге его Республики; поскольку спуск души, как мы увидим более подробно далее, был одной из важных истин, которые эти Мистерии должны были раскрыть. А воющие собаки — это символы материальных демонов, которые так обозначаются в Магических Оракулах Зороастра, из-за их свирепого и злобного нрава, всегда вредящего благополучию человеческой души. И поэтому сама Материя представлена Синезием в его первом гимне с большой уместностью и красотой, как лающая на душу с пожирающей яростью: ибо так он поет, обращаясь к Божеству: ^{30 31}

³⁰ Republic. x, 16. «После того как они уснули и наступила полночь, раздался гром и землетрясение; и тогда они внезапно понеслись вверх, одни в одну сторону, другие в другую, приближаясь к области порождения, как звезды». [30] Материальные демоны — это низший класс духовных сущностей, способных принимать формы, которые делают их ощутимыми физическими чувствами.

³¹ Материальные демоны — это низший класс духовных сущностей, способных

Μακαρ ὅς τις βορον ὕλας
Προφυγῶν ὕλαγμα, καὶ γὰς
Ἀναδυς, ἄλματι κουφῶ
Ιχνος ἐς θεὸν τιταινει.

Что можно перефразировать таким образом:

Благословен! Трижды благословен! Кто с крылатой быстротой,

От ужаса Хайле прожорливого лая летит, ³²

И, оставив позади земную неясность,

Легким прыжком направляет шаги к тебе.

А то, что материальные демоны действительно являлись посвященным до ясных видений самих богов, явствует из следующего отрывка Прокла в его рукописном Комментарии к первому Алкивиаду: ἐν ταῖς ἁγιοτάταις τῶν τελετῶν τρὶς τοῦ θεοῦ παρουσίας δαιμονῶν χθονίων ἐκβολαὶ προφαίνονται, καὶ ἀπο τῶν ἀχραντῶν ἀγαθῶν εἰς τὴν ὕλην προκαλούμεναι. Т. е. «В самых внутренних святилищах мистерий, перед присутствием бога, появляются стремительные формы земных демонов и отвлекают внимание от непорочного добра к материи». А Плето (об оракулах) прямо утверждает, что эти призраки появлялись в виде собак.

После этого Энея описывают как идущего в адские обла-

принимать формы, которые делают их ощутимыми физическими чувствами..

³² Хайль или материя. Все зло в человеческой жизни, как показано здесь, должно было происходить от связи души с материальной субстанцией, а последняя считалась вместилищем всего дурного. Но почему душа таким образом погружается в материю и подвергается наказанию, нигде не объясняется.-А. W.

сти, сквозь глубокую ночь и тьму:

Ibant obscuri sola sub nocte per umbram.
Perque domos Ditis vacuas, et inania regna.
Quale per incertam lunam sub luce maligna
Est iter in silvis: ubi cælum condidit umbra
Jupiter, et rebus nox abstulit atra colorem.*

* «Они шли, среди мрака одинокой ночи, сквозь тень, по пустынным залам и пустым царствам Диса [Плутона или Аида]. Таково путешествие по лесу под непостоянной луной с ее скудным светом, когда Юпитер окутал небо тенью, а черная Ночь лишила все предметы их цвета».

И это с величайшей точностью; ведь Мистерии, как известно, праздновались ночью; а в «Республике» Платона, о которой говорилось выше, души описываются как впадающие в состояние порождения в полночь; этот период особенно приспособлен к темноте и забвению телесной природы; и на это обстоятельство, несомненно, указывало ночное празднование Мистерий.

В следующем месте перед нами предстает следующее яркое описание:

Vestibulum ante ipsum, primisque in faucibus Orci
Luctus, et ultrices posuere cubilia Curæ:
Pallentesque habitant morbi, tristisque senectus,
Et Metus, et mala suada Fames, ac turpis egestas;
Terribiles visu formæ; Lethumque Laborque;
Tum consanguineus Lethi Sopor et mala mentis

Gaudia, mortiferumque adverso in limine bellum
Ferrique Eumenidum thalami et Discordia demens,
Vipereum crinem vittis innexa cruentis.

In medio ramos annosaque brachia pandit
Ulmus opaca ingens: quam sedem somnia vulgo
Vana tenere ferunt, foliisque sub omnibus hærent.
Multaque præterea variarum monstra ferarum:
Centauri in foribus stabulant, Scyllæque biformes,
Et centumgeminus Briareus, ac bellua Lernæ,
Horrendum stridens, flammisque armata Chimæra,
Gorgones Harpyiæque, et formo tricorporis umbræ.*

* «Перед самым входом, в первой пасти Ада, Горе и мстительные заботы поставили свои кушетки; там обитают бледные Болезни, и печальная Старость, и Страх, и Желание, злая богиня убеждения, и неприглядная Нищета – формы, ужасные для созерцания! И там же – Смерть и Труд; затем Сон, сродни Смерти, и злые наслаждения ума; а на противоположном пороге – несущая смерть Война, и железные брачные кушетки Фурий, и неистовый Раздор, с его гадючьими волосами, перевязанными кровавыми венками. Посредине – темный и огромный вяз, раскинувший свои ветви и старческие конечности; это обитель, которую, как говорят, посещают тщетные мечты, и под каждым листом которой они обитают. Помимо всего этого, здесь можно увидеть множество чудовищных образов различных диких зверей. Кентавры, стоящие у ворот, и сциллы в двойном обличье, стоглавый Бри-

арей, Лернийский змей, грозно шипящий, и Химера, вооруженная пламенем, Горгоны и Гарпии, и тени с тремя телами».

И, конечно, невозможно нарисовать более живую картину недугов, с которыми связана материальная природа; дремлющего состояния души в результате ее соединения с телом; и различных душевных болезней, которым она неизбежно подвергается в результате такого соединения; ибо это описание содержит троякое деление; во-первых, представляя внешнее зло, которым изобилует эта материальная область; во-вторых, намекая на то, что жизнь души при слиянии с телом – всего лишь сон; и, в-третьих, под видом многообразных и ужасных чудовищ, демонстрируя различные пороки нашей неразумной и чувственной части. Поэтому Эмпедокл, в полном соответствии с первой частью этого описания, называет эту материальную обитель, или царство порождений, -ατερπεια χωρον, «безрадостным регионом».³³

«Где обитают резня, ярость и бесчисленные пороки»;

Ενθα φονος τε κotos τε και αλλων εθνεα κηρων-

и в которую попадают те, кто падает,

«Через луга Ате и страшную тьму блуждают».

—————Ατης

———ανα λειμωνα τε και σκotos ηλασκουσιν.

И поэтому он справедливо говорит о такой душе, что

³³ Эту и другие цитаты из Эмпедокла можно найти в книге Иерокла о «Золотых стихах Пифагора».

«Она бежит от божества и небесного света,
Чтобы служить безумному Раздору в царстве ночи».

———φυγας θεοθεν, και αλητης,

Νεικει̃ μαινομενω̃ πισυνος.———.

Здесь же мы можем заметить, что *Discordia demens* Вергилия является точным переводом *Νεικει̃ μαινομενω̃* Эмпедокла.

В последующих строках также прекрасно описаны горести и скорбные страдания, сопутствующие соединению души с материальной природой.

Hinc via, Tartarei quæ fert Acherontis ad undas;

Turbidus hic cæno vastaque voragine gurgēs

*Æstuat, atque omnem Cocyto eructat arenam.**

* «Вот путь, ведущий к бурлящим волнам Ада [Ахерона]; здесь мутная бездна кипит отвратительной грязью и огромными водоворотами, и извергает все свои зыбучие пески в Коцит».

И когда Харон взывает к Энею, чтобы он не входил дальше, и говорит ему,

«Здесь обитают обманчивые тени;

«Ибо здесь нет ничего, кроме сна и дремотной ночи».

Umbrarum hic locus est, Somni Noctisque soporæ-

ничто не может более точно выразить состояние темных областей тела, в которых душа, спустившись, не встречает ничего, кроме теней и дремотной ночи, и, упорно продолжая свой путь, в конце концов погружается в глубокий сон и ста-

новится настоящим обитателем призрачных обителей мертвых.

Перейдя Стигийское озеро, Эней встречается с трехголовым чудовищем Цербером, стражем этих inferнальных обителей: ³⁴

Tandem trans fluvium incolumis vatemque virumque
Infermi limo glaucaque exponit in ulva.

...

Cerberus hæc ingens latratu regna trifauci
Personat, adverso recubans immanis in antro.*

* «Наконец через реку в безопасности, пророчица и человек, он приземляется на склизкий берег, на голубую осоку. Огромный Цербер заставляет эти царства [смерти] звучать лаем из своей тройной глотки, когда он лежит, вытянувшись во весь рост, в противоположной пещере».

Говоря «Cerberus», мы должны понимать дискриминационную часть души, эмблемой которой является собака, благодаря своей проницательности; а три головы означают тройное разделение этой части на *intellective* [или интуитивную], *cogitative* [или рациональную] и *opinionative* силы. - Что касается трех видов людей, описанных как находящиеся на границах адских царств, то поэт, несомненно, наме-

³⁴ Присутствие Цербера в греческих и римских описаниях подземного мира показывает, что идеи поэтов и мифологов были заимствованы не только из Египта, но и от брахманов далекого Востока. Яма, владыка подземного мира, сопровождается своим псом Карбару, пятнистым, называемым также Трикаса, трехголовым.

ревался этим перечислением представить нам три наиболее примечательных персонажа, которые, хотя и не заслуживают наказания, но каждый из них в равной степени погружен в материю и, следовательно, требует подобной степени очищения. Как известно, речь идет, во-первых, о душах младенцев, унесенных безвременной кончиной; во-вторых, о тех, кто несправедливо приговорен к смерти; и, в-третьих, о тех, кто, устав от жизни, покончил с собой. Что касается первых, или младенцев, то их связь с материальной природой очевидна. Второй род, также несправедливо осужденный на смерть, должен быть представлен душами людей, которые, хотя и невиновны в одном преступлении, за которое они были несправедливо наказаны, тем не менее, виновны во многих преступлениях, за которые они получают надлежащее наказание в Аиде, то есть через глубокое соединение с материальной природой. А третий род, или самоубийцы, хотя внешне и отделились от тела, но лишь поменяли одно место на другое, аналогичное по природе; поскольку подобное поведение, согласно арканам божественной философии, вместо того, чтобы отделить душу от тела, лишь возвращает ее в состояние, полностью соответствующее ее прежним наклонностям и привычкам, сетованиям и горестям. Но если мы рассмотрим это дело глубже, то обнаружим, что эти три персонажа справедливо поставлены в одинаковое положение, поскольку причина наказания у каждого из них одинаково неясна. Ибо разве не вызывает сомнений, почему души

младенцев должны быть наказаны? И разве не столь же сомнительно и удивительно, почему те, кто был несправедливо приговорен к смерти в один период существования, должны быть наказаны в другой? Что же касается самоубийц, то Платон в своем „Федоне“ говорит, что запрет этого преступления в *απορρητα* (aporrheta) является глубоким учением, которое нелегко понять. [В самом деле, истинная причина, по которой два первых из этих персонажей находятся в Аиде, может быть установлена только из факта предшествующего состояния существования, при исследовании которого скрытая справедливость наказания будет явно выявлена, очевидные несоответствия в управлении Провидением полностью примирены, а сомнения относительно мудрости его действий полностью устранены. Что же касается последних, или самоубийц, то, поскольку причина их наказания и того, почему подобные действия в целом являются крайне жестокими, чрезвычайно мистична и неясна, следующее решение этой трудности, без сомнения, будет с благодарностью принято платоническим читателем, поскольку все это можно найти только в рукописи. Так, Олимпиодор, самый ученый и превосходный комментатор Платона, в своем комментарии к той части „Федона“, где Платон говорит о запрете самоубийства в апоретах, замечает следующее: „Аргумент, который Платон использует в этом месте против самоубийства, взят из орфической мифологии, в которой прославляются четыре царства; первое – Урана [Ураноса] (Неба), на кото-

рого напал Кронос или Сатурн, отрезав гениталии его отца. Но после Сатурна управление миром перешло к Зевсу или Юпитеру, который бросил своего отца в Тартар. А после Юпитера на свет появился Дионис или Вакх, который, по преданию, по коварному наущению Геры или Юноны был разорван на части титанами, которыми он был окружен и которые после вкусили его плоти; но Юпитер, разгневанный этим поступком, обрушил свой гром на виновников и обратил их в прах. Таким образом, из пепла или копоты дыма, поднимавшегося от их горящих тел, образовалась некая материя, из которой и возникло человечество. ^{35 36 37 38 39}

³⁵ Во втором издании эти термины заменены на *dianoietic* и *doxastic*, слова, которые мы не можем принять, поскольку они не являются общепринятыми английскими терминами. Нус, интеллект или дух, относится к высшей или интуитивной части разума; дианойя или понимание – к рассудочной способности, а докса, или сила, формирующая мнение, – к способности к исследованию. Средством или инструментом первого является рецепция, второго – диалектика, третьего – интуиция» -A. W.

³⁶ Аид, подземный мир, предполагаемый классическими студентами как область или владения ушедших душ, как было замечено, рассматривается мистером Тейлором и другими платониками как человеческое тело, которое они считают могилой и местом наказания души.-A. W.

³⁷ Апорреты – тайные или конфиденциальные сведения, сообщаемые кандидату, проходящему инициацию. В Элевсинии они делались Иерофантом и навязывались ему из Книги Толкования, состоявшей, как говорят, из двух каменных скрижалей. Это была петрома, название которой обычно происходит от *petra*, скала, р. 67 или, возможно, от *πτρ*, *peter*, толкователь. См. П. Коринфянам, xii. 6—8.-A. W.

³⁸ *Ph̄do*, 16. «Наставление в учении, даваемом в мистериях, о том, что мы, люди, находимся в своего рода тюрьме и что мы не должны освобождаться из нее

Поэтому незаконно уничтожать себя не потому, что мы находимся в теле, как в тюрьме, охраняемой стражей (ибо это очевидно, и Платон не назвал бы такое утверждение разумным), а потому, что наше тело дионисийское, или по природе Вакха: ведь мы – его часть, поскольку состоим из пепла или сажистых испарений титанов, вкусивших его плоти. Поэтому Сократ, как бы опасаясь раскрыть тайную часть этого повествования, не рассказывает больше ничего из басни, кроме того, что мы помещены в темницу, охраняемую стражей: но толкователи рассказывают басню явно». Καὶ ἐστὶ το μῦθικον ἐπιχειρημα τοιούτων. Παρα τῷ Ορφεὶ τεσσαρες βασιλειαὶ παραδιδονται. Πρωτὴ μὲν, ἡ τοῦ Ουρανου, ἣν ὁ Κρονος διεδεξατο, ἐκτεμων τὰ αἰδοια τοῦ πατρος. Μετα δὴ τὸν Κρονον, ὁ Ζεὺς ἐβασιλευσεν καταταρταρώσας τὸν πατέρα. Εἰτα τὸν Διὰ διεδεξατο ὁ Διονυσος, ὃν φασὶ κατ' ἐπιβουλήν τῆς Ἡρας τοὺς περὶ αὐτοῦ Τίτανας σπαραττεῖν, καὶ τῶν σαρκῶν αὐτοῦ ἀπογευεσθαι. Καὶ τοὺτους ὀργισθεὶς ὁ Ζεὺς ἐκεραυνώσε, καὶ ἐκ τῆς αἰθαλῆς τῶν ατμῶν τῶν ἀναδοθέντων ἐξ αὐτῶν, ὕλης γενομένης γενεσθαι τοὺς ἀνθρώπους. Οὐ δεῖ οὖν ἐξαγαγεῖν ἡμᾶς εαυτοὺς, οὐχ ὅτι ὡς

или стремиться к побегу, представляется мне трудным для понимания и нелегким для восприятия. Боги заботятся о нас, а мы – о них». Плотин, как помнится, внутренним взором уловил, что Порфирий подумывает о самоубийстве, и соответствующим образом наставлял его.-А. W.

³⁹ В индуистской мифологии, из которой, очевидно, и происходит эта символика, божество, лишённое таким образом лингама или фаллоса, расставалось со своей божественной властью.

δοκει λεγειν ἡ λεξις, διоти εν τινι δεσμῳ εσμεν τῷ σωματι·
τουτο γαρ δηλον εστι, και ουκ αν τουτο απορρῆτον ελεγε,
αλλ» οτι ου δει εξαγαγειν ἡμας ἑαυτους ὡς του σωματος
ἡμων διονυσιακου οντος· μεροσ γαρ αυτου εσμεν, ειγε εκ της
αιθαλης των Τιτανων συγκειμεθα γευσαμενων των σαρκων
τουτου. Ο μεν ουν Σωκρατης εργῳ το απορρῆτον δεικνος,
του μυθου ουδεν πλεον προστιθμσι του ὡς εν τινι φρουρα
εσμεν. Οι δε εξηγηται τον μυθον προστιθεασιν εξῳθεν. По-
сле этого он прекрасно замечает, «что эти четыре правитель-
ства означают различные градации добродетелей, в соответ-
ствии с которыми наша душа содержит символы всех ка-
честв, как созерцательных, так и очистительных, социальных
и этических; ибо она либо действует в соответствии с тео-
ретическими или созерцательными добродетелями, образ-
цом которых является правительство Урана или Неба, чтобы
мы могли начать с высоты; и по этой причине Уран (Небо)
так называется παρὰ τοῦ τὰ ἀνω οὐραν, от созерцания того,
что выше: Или же он живет чисто, образцом чего является
Кронианское или Сатурнианское царство; и по этой причине
Кронос назван Коронос, тот, кто воспринимает через себя.
Поэтому говорят, что он пожирает свое потомство, что озна-
чает превращение себя в свою собственную субстанцию:—
или она действует в соответствии с социальными доброе-
телями, символом которых является правительство Юпите-
ра; поэтому Юпитер называется Демиургом, как действую-
щий в отношении второстепенных вещей:— или она действу-

ет в соответствии как с этическими, так и с физическими добродетелями, символом которых является царство Вакха; и поэтому, по легенде, ее разорвали на части Титаны, поскольку добродетели не отсекаются друг от друга.»⁴⁰

Αἰνυττονται (lege αἰνιττονται) δε τους διαφερους βαθμους των αρετων καθ' ας ἡ ἡμετερα ψυχη συμβολα εχουσα πασων των αρετων, των τε θεωρητικων, και καθαρτικων, και πολιτικων, και ηθικων. Ἡ γαρ κατα τας θεωρητικας ενεργει ὦν παρα δειγμα ἡ του ουρανου βασιλεια, ινα ανωθεν αρξαμεθα, διο και ουρανος ειρηται παρα του τα ανω οραν. Η καθαρτικως ζη, ἡς παρα δειγμα ἡ Κρονεια βασιλεια, διο και Κρονος ειρηται οιον ὁ κορονους τις ων δια το εαυτον ὀραν. Διο και καταπινειν τα οικεια γεννηματα λεγεται, ως αυτος προς εαυτον επιστεφων. Η κατα τας πολιτικας ὦν συμβολον, ἡ του Διος βασιλεια, διο και δημιουργος ὁ Ζευς, ως περι τα δευτερα ενεργων. Η κατα τας ηθικας και φυσικας αρετας, ὦν συνβολον, ἡ του Διονυσου βασιλεια, διο και σπαραττεται, διоти ουκ αντακολουθουσιν αλληλαις αἱ αρεται. И так далее у Олимпиодора; в этих отрывках необходимо заметить, что поскольку Титаны – творцы вещей и стоят рядом со своими творениями, люди, как говорят, составлены из их фрагментов, потому что человеческая душа имеет частичную жизнь, способную дойти до самого крайнего разделения, соединенного с ее собственной природой.

⁴⁰ От Диониса, греческого имени Вакха, которое обычно так и переводится.

И пока душа находится в состоянии рабства телу, она живет, как бы заключенная в узы, под властью этой титанической жизни. Далее мы можем заметить относительно этих драматических представлений Малых Мистерий, что, поскольку они были предназначены для представления состояния души в рабстве у тела, мы обнаружим, что освобождение от этого рабства посредством очищающих дисциплин, потенций, отделяющих от зла, было тем, что мудрость древних хотела обозначить спуском Геракла, Улисса и т. д. в Аид и их скорым возвращением из его темных обителей.

«Поэтому, – говорит Прокл, – Геракл, очистившись священными посвящениями, получил, наконец, совершенное утверждение среди богов», то есть, хорошо зная ужасное состояние своей души в плену у телесной природы, и очистив себя практикой очистительных добродетелей, символом которых были определенные очищения в мистических церемониях, он, наконец, освободился от рабства материи и вознесся за пределы ее досягаемости. В связи с этим о нем говорится, что ⁴¹

⁴¹ Комментарий к «Государственному деятелю» Платона, с. 382.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.